

что религиозное отношение к Нему определяется дистанцией между миром и Богом. Созданный тоже на расстоянии человек остается, как кажется, один с конечным миром и может стремиться к Богу только через дистанцию, положенную между миром и Богом.

И даже предполагая существование Бога внутри мира, это воззрение – вопреки всем монистическим течениям – вероятно, трактует это «бытие внутри» как новое приближение Бога из Его далека к творению, которое онтически обрело самостоятельность, как заполнение Им этого творения...

Что же касается мира Достоевского, то в основе его не лежит, как представляется, идея «совершенства на расстоянии». Насколько можно судить, ему вообще не свойственно сознание своей отдельности от Бога; напротив, этот мир вне всякого сомнения и с особой непосредственностью ощущает себя пребывающим в деснице Божией. Кажется, что он – в постоянном становлении, что контуры его еще не очерчены, что волею Бога в нем происходит нечто таинственное и что человек, связанный с Богом верой, каким-то образом воспринимает это¹.

Так возникает некое поле действия Божественных сил, посреди которого и находится народ, который, все еще не изменив своему первоначальному состоянию, просто живет одной жизнью с землей, ею кормится и от нее зависим. Он ощущает во всем Божие творение. Он чувствует тайну происходящего, его близость, его веяние. Он ощущает непроницаемость его загадки, но временами и живительный поток, вспыхивающее пламя и озарение смысла.

Все это, однако, очень далеко как от обожествления природы, так и от пантеизма. Человек Достоевского не преклоняется перед природой и не отождествляет мироздание с Богом. Но из среды непосредственного возникает решение, и оно делает жизнь христианской. Те проявления Божественного в природе, о которых шла речь выше, предопределены Спасением и призваны вызвать к жизни новое творение. Правда, Бог выступает из природы и в жизни, но это определено только через Христа, и именно через Христа Бог призывает человека приблизиться к Нему, выйдя за пределы простой связи с природой. Если же этого не происходит и человек остается в этих пределах, то перед ним предстает уже не творение Божие, а нечто языческое.